

Борис УСПЕНСКИЙ

К поэтике Хлебникова: проблемы композиции

Поэзия Хлебникова очень часто представляет определенную — сознательную или бессознательную — зашифровку текста (обусловленную отчасти собственно эстетическими задачами¹, отчасти — представлениями автора о языке², наконец, в значительной степени, — эзотерической автокоммуникацией, т. е. максимальным совпадением в одном лице отправителя и получателя текста), и в этом смысле то или иное произведение может рассматриваться как своеобразная криптограмма, которая нуждается в разгадке (дешифровке). Зашифровка может проявляться в использовании необычных форм (диалектных, иноязычных или специально созданных) или в более или менее сознательном нарушении обычных связей между сегментами текста — как между словами или морфемами (нарушение грамматических связей), так и между предложениями и большими отрезками текста. Именно последний случай будет нас прежде всего интересовать: речь пойдет о своеобразии композиции стиха у Хлебникова, причем композиция трактуется в терминах точек зрения (повествовательной перспективы)³.

В стихах Хлебникова нередко представлена мена точек зрения (динамика авторской позиции), которая, однако, может быть замаскирована употреблением одних и тех же местоименных форм по отношению к разным лицам. Так, в стихотворении, формально написанном от 1-го лица («я»), может, тем не менее, происходить изменение авторской позиции (точки зрения), поскольку «я» в разных местах одного и того же текста фактически наполняется различным содержанием (соотносится в разными лицами). Ср. отрывок из стихотворения «Мрачное» (СП, 2, 96), который повторен также в «Воине в мышеловке» (СП, 2, 258):

Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.

Очнулся я иначе, вновь
Окинув вас война оком.

Семантическая перекличка слов «латы» и «воин» позволяет догадываться, что «я» во втором предложении не совпадает с «я» в первом (ср.: «очнулся я иначе»), более того, это первое «я» называется во втором случае местоимением 2-го лица — «вы»: итак, в процессе стихотворного повествования «я» изменилось в «вы», будучи вытеснено другим «я», — в связи с изменением точки зрения.

Аналогичное явление можно наблюдать в стихотворении «Моих друзей летели сонмы» (СП, 3, 25). Одни и те же субъекты здесь обозначаются сначала в 3-м лице (при повествовании от 1-го лица!), а затем — неожиданно — местоимением 1-го лица, не совпадающим при этом с 1-м лицом предыдущего текста. Иначе говоря, «они» переходит в «мы», никак не соотносящееся с тем «я», которое фигурировало раньше. Ср.:

Моих друзей летели соймы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы,
Нас отразило властное ничто,
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих.

Затем, однако, те же субъекты снова начинают обозначаться в 3-м лице: «мы» непосредственно предшествующего текста изменяется в «они», знаменуя возвращение к первоначальной авторской позиции. Ср.:

Теперь их грозный кубок вылит,
О, роковой ста милых вылет!

Ср., наконец, пояснение всех трех грамматических лиц в заключительной фразе стихотворения:

А вы, проходя по дорожке из мауни
Ужели нос спросите тоже, куда оно?

Местоименная форма 1-го лица («нас») соответствует здесь форме 1-го лица начала стихотворения («моих»), но, между тем, местоимение 3-го лица («они») соответствует местоимению 1-го лица («мы») середины стихотворения. Таким образом, композиционно дело идет в данном случае о тексте в тексте.

В приведенных примерах в результате динамики авторской позиции одни и те же наименования соотносятся на протяжении повествования с разными лицами; одновременно одни и те же лица именуется раз-

личным образом — взаимно противопоставленными местоименными формами. В ряде случаев имеет место только последнее.

Так, в «Ночном бале» (СП, 3, 284–285) разбойник, от лица которого ведется рассказ (в 1-м лице), неожиданно называется в конце стихотворения местоимением 2-го лица («Ты стоял лесным разбойником <...> тихо смотришь на кистень»). Иначе говоря, сообщение от лица разбойника переходит в сообщение, обращенное к нему самому: один и тот же субъект обозначается сначала местоимением «я», а затем местоимением «ты»⁴.

Стихотворение «Гонимый — кем, почему я знаю?»⁵ (СС, 2, 111–113) начинается от 1-го лица; затем субъект, обозначавшийся местоимением 1-го лица («я»), называется в 3-м лице («он»), т. е. меняется перспектива описания («я» — > «он»). В свою очередь, в конце стихотворения «он» опять меняется в «я» («он» — > «я»). Повествование от 1-го лица, таким образом, окаймляет текст, выступая в функции композиционной рамки произведения⁶. Уместно отметить, что переходу от 1-го лица к 3-му приблизительно соответствует и изменение грамматического времени повествования — а именно, переход от настоящего времени к прошедшему, который также указывает на динамику авторской позиции (изменение точки зрения в плане временной перспективы)⁷.

Наконец, и в стихотворении «Меня проносят на слоновых...» (НП, 259), ключ к содержательной интерпретации которого был найден В. В. Ивановым⁸, местоимение 3-го лица («он») в заключительной строфе соответствует по смыслу местоимению 1-го лица («я») во всем предшествующем тексте, тогда как местоимение 1-го лица в этой строфе («Он с нами, на нас, синеокий») соответствует местоимению 2-го лица предшествующего текста («вы» — обращение к девам, несущим героя и в своей совокупности образующим слона). Иначе говоря, если все стихотворение, кроме последней строфы, дается от лица героя во 2-м лице, то последняя строфа написана от лица дев, его несущих.

Итак, то, что в обычных условиях характеризует несколько отдельных текстов, объединяется у Хлебникова в одном произведении. Иначе можно сказать, что в соответствующих произведениях нарушаются нормальные условия связности текста. Само нарушение этих условий является признаком изменения точки зрения (динамики авторской позиции).

Следует отметить, что в отдельных случаях совмещение различных точек зрения может быть предельно концентрировано в хлебниковском тексте — сосредоточено в пределах одной фразы. В этом случае мы наблюдаем нарушение обычных синтаксических связей.

Именно таким образом может быть истолкован известный пример из поэмы «Немотичей и немичей» (СП, 2, 192)⁹, на который в свое время обратил внимание Р. О. Якобсон¹⁰:

«О пощади меня, панич»,
Но тот «не можем» говорю¹¹.

Можно считать, что здесь имеет место мгновенный перескок на точку зрения панича: форма «говорю» дана с его точки зрения, тогда как текст, предшествующий фразе «не можем», излагается с противоположной авторской позиции. Граница между разными точками зрения здесь предельно фиксирована.

Чередование разных точек зрения во фразе может проявляться у Хлебникова и с изменением формы времени. См., например, в стихотворении «Тризна»: «Мы стоим, хранили тишь» (СП, 2, 229). Аналогичные примеры из хлебниковских поэм приведены у Вл. Маркова¹².

